

СМЕНА

18
1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИМЕНЕМ РОДИНЫ

Именем грядущих поколений,
 Именем распаханных полей,
 Именем весеннего цветенья,
 Именем свободы на земле,
 Именем борцов Земного шара
 Голос наш звучит в любой стране:
 — Не позволим разжигать пожар!
 Не бывать войне!

Фронт борьбы за мир окреп и вырос.
 И над ним
 Кремльбская звезда.
 И народы Мира жмутся мира,
 Счастья, света, мирного труда.

Именем борцов разноплеменных
 Наш призыв звучит в любой стране,
 Именем державы закалённой,
 Победившей в буре и в огне,
 Именем, чья имя
 миллионы:

— Миру мир,
 Война войне!

Лев ОШАНИН

ПОЕЗД С ОРУЖЬЕМ

Банковским королям в угоду,
 Чтоб в чёрный поход снарядит корабли,
 Поезд
 с оружием против свободы
 Летит под солнцем французской земли.
 Чтоб кровью не залило мирные росы,
 Чтоб дети не слышали вой sireн,
 На рельсы бросается под колеса
 Дочь народа

Раймонда Дьен,
 С детства окрепшее под грозой,
 Сердце готово принять удар.
 Кто ей вспомнил!

Жанна д'Арк!
 А может, русская девушка Зоя!
 Застрав посреди французских дорог,
 Поезд с оружием
 врчдйт не в срок.

Дают приказ Вашингтон и Лондон
 Лякею перижскому своему
 Гордость французской земли —

Раймонду —
 Под десять замков посадить в тюрьму.

Вновь поезд с оружием минует границу.
 Но разве Раймонда в мире одна!
 Оружье

в воду
 сбросила Ницца,
 Доставяте его с морского дна!
 А тюрьму —

хоть тысячи выстави в ряд,
 Весь народ
 они в стены свои
 не вместят.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ

Над Рио-де-Жанейро
 Темною ночью
 Буками, пылающими во мгле,
 «СТАЛИН»
 Вывел бразильский рабочий
 На самой высокой скале.

А утром люди,
 Покинув квартиры,
 Сходились...
 И вот на глазах у людей
 Скала
 Скала
 Цитаделью Мира,
 Одной из прославленных крепостей.

Тысячи грандан
 С волненьем читали
 И повторяли с любовью слова:
 — Да здравствует Сталин!
 — Да здравствует Сталин!
 И людям казалось,
 Что рядом Москва.

Отряды полиции
 Лежали из колюч,
 По кругам карабкались в небеса.
 Но разве стереть
 Полиция может
 То, что рабочий навек написал!

Врезалось в сердце
 И в память народа,
 К людям проникло,
 Взметнулось в зенит,
 В леске бесстрашной,
 На знаменах гордом
 Имя вождя —
 и над миром горит.

Первый урок. Комсомолка Валентина Гарскова, окончившая в этом году Московский педагогический институт имени В. П. Потемкина, на занятиях в 5-м классе массовой школы 208-й школы.
Фото Г. Борисова

Прочитано всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ, Сентябрь, № 18. 1950 год.

Год
издания
27-й

Сталевар завода «Серп и Молот»
Анатолий Суботин.

Фото А. Удьяна.

А. СУБОТИН,

сталевар, лауреат Сталинской премии

Л. ПОДВОЙСКИЙ,

инженер завода «Серп и молот»

МАЯКИ МИРА

У русского народного поэта-волжанина Н. Некрасова есть замечательные строки:

То сердце не научится любить,
которое устало ненавидеть.

Некрасовские стихи, посвященные прошлому Волги, невольно приходят на память сейчас, когда к ней вновь прикованы мысли всех советских людей. Скоро на берегах великой русской реки явятся сотни двух сталинских строков. Это — наше прекрасное коммунистическое сегодня.

Пройдут шесть лет, и оба гиганта — Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции — будут давать нашей Родине в год 20 миллиардов киловатт-часов электроэнергии — в 10 раз больше, чем вырабатывала все электростанции царской России; во много раз больше, чем дает самая крупная электростанция в Европе — Днепрогэс.

Десять миллиардов киловатт-часов ежегодно будет дополнительно получать Москва! Уже сегодня обсуждают заграничные планы инженеры на нашем заводе: это значит, что лампы на электроэнергию будут значительно увеличены или сняты совсем. Так с Волги позволит полностью решить вопрос механизации и автоматизации металлургических процессов.

Так же, как у нас на заводе, строятся планы на многих предприятиях России. Мощность новых гидроэлектростанций превзойдет мощность всех современных электростанций Италии, Швеции и Швейцарии, вместе взятых. Гигантские гидроузлы на Волге дадут нашему народному хозяйству дополнительной электроэнергии больше, чем вырабатывается во всей Франции. Они обеспечат победу над стихийными силами природы в Поволжье и Прикаспии. Около 14 миллионов гектаров ныне пустынных и полупустынных земель будут обводнены и орошены. Пустыня отступит от Волги и очистит для земледелия территорию в 5 раз больше Бельгии!

Много столетий пустыня наступала из Средней Азии на степи в низовьях Волги, засыпая зыбучими песками плодородные земли. О трагедии Поволжья писали Толстой и Некрасов, Короленко и Горький, Суховый губил посевы и гнал крестьян с толах, сожженных полей и Волге, где они попадали в лапы купцов-лиходеев. Сотни тысяч бедняков умирали от голода.

Голод! Радостно потирали руки волжские богатеи, продавая больше барыши. За бесценок они нанимали прищельцев из голодных степей, и те ткнули лямку, стараясь облегчить свой каторжный труд песней, похожей на стон: «Эй, ухнем!»

«Давно не слышно на Волге стона. Мы, кто стал взрослым в годы сталинских пятилеток, застали новую жизнь на берегах великой русской реки.

В волжских городах осуществлены замечательные сталинские стройки. Много лет наш завод «Серп и молот» соревнуется со сталинградским заводом «Красный Октябрь». Когда мы ездили на этот завод, мы наблюдали, как колхозы ведут борьбу с засухой. Но борьба эта не всегда приносила успех. Знойные ветры дуют до сих пор, засыпая песками посевы.

«Будь они прокляты, эти ветры!» — кто не слышал эту фразу от колхозников Поволжья!

На восток и запад от Волги нет ненавистного врага, чем страшные засухи. Но помнят в низовьях Волги и других впавах...

Один из авторов этой статьи, будущий командир Советской Армии, осенью 1942 года сражался за Сталинград. Мы дрались ожесточенно, не жалея ничего для победы, ибо не ради войны, а ради долгого и прочного мира являлись мирные советские люди за оружие. Ещѣ тогда, в блиндажах, пролазине и обожженные порохом бойцы в перерывах между атаками обсуждали, сколько лет потребуются для восстановления разрушенного фашистами города. Говорили, что десять, пятнадцать и даже двадцать лет...

«Разрушить быстро, а строить даже долго. Бачните, що зробив пролятивий Гитлер!» — саркастично сказал бойцу-украинец, показывая рукой на дымящиеся завалы Сталинграда.

Прошло немногим больше пяти лет со дня окончания войны. Недавно другой автор этой статьи побывал в Сталинграде в гостях у сталеваров комсомольской плчи завода «Красный Октябрь». Полностью восстановленные заводы стали красивее, чем они были до войны, и дают сейчас много больше продукции, чем тогда. Не земля, где было тесно narrow, где они зарывались по нескольку штук в одной воронке, раскинувшись с верха, сада, бульвары...

— Наш город будет краше, чем был,— уверяли московского сталевара сталинградские друзья.

Но самые смелые мечты очень часто остаются от нашей чудесной советской действительности. Давжды за первую половину двадцатого века Царицын-Сталинград был в центре внимания всего мира. И теперь снова и нему приковано всеобщее внимание.

Одна из двух великих строек коммунизма будет осуществлена около города-героя в течение пяти лет... Такие темпы строительства возможны только у нас, в сталинскую эпоху. Напомним, что в Америке гидроэлектростанция на реке Колорадо строится уже 40 лет и на реке Колумбия — 20 лет.

Таких грандиозных электростанций, как Куйбышевская и Сталинградская, не знает мир. Общая мощность знаменитого «Теннессиского каскада» в США, объединяющего 20 гидроэлектростанций, не достигает мощности и одного из двух новых волжских гигантов.

Веками вынашивали народы Востока сокровенные мечты о хрустальных рвах, о плодородных садах в пустыне, о сказочной земле счастья. Теперь эти мечты будут осуществлены: по сталинским предначертаниям, в Туркменинии будет построен гитангский канал, который поместит воду в безжизненные пустыни...

Когда писалась эта статья, мир узнал о новом постановлении Совета Министров СССР — о строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепр, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма.

Эти сооружения — также составная часть великого сталинского плана преобразования природы. Они в кратчайший срок, в пять — шесть лет, преобразят обширный край, поставят силы природы на службу советскому человеку. Осуществляемые одновременно со строительством гидроэлектростанций на Волге и Главным Туркменинским каналом, они явятся новым крупным этапом великого дела укрепления могущества нашей Родины, процветания ее экономики и культуры, повышения благосостояния народа.

— Только наш народ, только наша культура коммунизма способны претворять такие величественные планы в жизнь! — говорит сегодня на заводах и в колхозах Советской страны. И никто не сомневается, что эти стройки коммунизма будут осуществлены в установленные сроки, ибо то, что предначертано великим Сталиным, всегда сбывается точно.

Люди нашей Родины умеют любить мирное созидание. Но они не устали ненавидеть военных преступников с их жаждой смерти и разрушений. И это тоже гарантия того, что сталинские стройки будут построены небыстро быстро, на радость всем сторонникам мира.

Советское правительство, выполняя волю всего народа, неустанно проводит мирно-позитивную и борется за мир во всем мире, а в время как заправлены Уолл-стрита готовят новую войну и уже развязали кровавую интервенцию в Корею.

Советские труженики заняты строительством коммунистического общества, а разбойники в американских военных мундрах бомбят мирных жителей Кореи, не щадя ни женщин, ни детей, ни больных в госпиталях.

Сотни миллионов людей на земном шаре страстно жаждут мира и от всего сердца ненавидят кучку поджигателей войны — в этом успех борьбы сторонников мира.

На стахановской вахте мира стоят миллионы людей. Великую трудовую вахту несут и советские сталевары. В печах при полуротационной температуре непрерывно плавится металл. Мы знаем: качественная сталь — основа века в нашей стране. Она ляжет и на стройки волжских гидроэлектростанций и на строительство Нью-Чумачи. Наши стройки коммунизма, мощные маяки мира, будут строить все страна.

ВСТУПАЯ В ПАРТИЮ..

Обычный день:
Гудят моторы где-то,
Встают с рассветом сёла, города —
А для меня он будет самым светлым,
В этот день запомню навсегда!
Вот дождь прошёл,
И устремилась в небо
Пахучей мягкой зеленью сосна,
Дохлая озима
Ножками августым злебом,
В полях и в сердце
Росцвела весна.
Ещё одно веткою на соснах
Был начат мой двадцать четвёртый год.
Сегодня в клуб колхозный
Ровно в восемь
Придёт на партсобрание народ.
И жизнь, и доблесть,
Мужество, и волю,
И стойкость, закалённую в борьбе, —
Всё то, чему учился в комсомоле,
Хочу отдать я, партия, тебе!
Вот на собрание председатель встанет:
— Про жизнь свою ты должен рассказать...
И вспомню я,
Как деревенским парнем
Пошёл я добровольцем воевать.

А если нужно знать,
Зачем сегодня
Пришёл я с заявлением сюда, —
Не я один!
Ответят англичаном,
Отвечат с нашей партией всегда.
Ответят вам рабочие Урала,
Заводы Минска,
Харьков и Донбасс,
Ответят вам парижские кварталы,
И вся земля,
И весь рабочий класс.
Ответят вам китайские солдаты,
Победою окончившие бой,
Ответят негры из дальних штатов:
— Мы всей душой, Компартия, с тобой!
Не заглушат могучий голос этот
Ни Белый дом, ни чёрный Уолл-стрит,
Что бомбой атомной грозят взорвать планету;
Ни пушки, ни чумные блохи, ни иприт.
Нет!
Не было и нет на свете цинк,
Оружия не будет на земле,
Чтоб людям путь к свободе заслонили,
Путь к человеку, что живёт в Кремле!

Перевёл с белорусского
А. ТВЕРСКОЙ

А. ВЕРБИЦКИЙ

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Б и л ь

Рисунок А. Ливанова

— Хватит! Прошу тебя, Мартин, перемени тему!..

— Нет, уж извини! Дай высказаться...

Мартин Освальд, рослый, широколицый и светлоглазый рыбак лет двадцати пяти, хотел продолжать, но осёкся и замолк.

Рыболовецкий колхоз «Селонга» готовился к открытию своего клуба. Незабудное это было событие на маленьком острове Лидсо. Шутка ли, эстонские рыбаки, вчерашние каторжники моря, стали волиными хозяевами Балтики и открывают свой рыбачий клуб!

И не подумайте, что эстонские рыбаки незвездчателны и назвали клубом августо-

тулку хибарку с грубыми скамьями и керосиновым освещением. О, нет! Приезжайте друзья, в Эстонию, совершите морской рейс от города Таллина до острова Лидсо и посетите рыбачий клуб. Вам не заскочит помянуть его просторные залы, украшенные картинами, коврами и напольными южным солнцем пальмами. Море здесь совсем близко, оно плещется рядом, под самыми окнами.

Вы выходите на полукруглую террасу и севозь кружевную зелень сада видите необъятную морскую ширь, где серебро воды сливается с голубым небом, и на горизонте белые качающиеся лоскутки парусов. В первую минуту у вас захватит дух: вот так чудесный уголок на земле!

В этом особняке жил прежде владелец острова богат-самодур Юлиус Финль. Рыбакам не разрешалось подходить к его жилью ближе чем на 300 шагов. Многие ещё помнят случай с Артуром Гарсом, осмелившимся заглянуть за ограду дома этого местного царька: рыбак был схвачен, избит и изгнан с острова.

Теперь над фасадом особняка весело полочется транспарант с надписью: «Добро пожаловать!»

Накануне открытия клуба в круглом дворе особняка собралась вся молодёжь артели «Селонга». Пришли и старик, Возник спор: открыть ли двери клуба для всех рыбаков

ДВЕ КАРТИНЫ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

В начале лета в залах Московского художественного института имени В. И. Суринова открылась выставка дипломных работ. Среди них были две картины молодых художников Бориса Зелёного и Юрия Фролова.

Сын колхозника Николаевской области Борис Зелёный начал рисовать с шести лет. Окончив Ижевский художественный техникум, он поступил в институт. В начале войны ушел со второго курса на фронт добровольцем. Под Сталинградом он был ранен. В 1944 году, демобилизовавшись из армии, приехал в Москву и был принят в Московский художественный институт и окончил его в 1950 году.

На обложке этого номера журнала воспроизведена картина Б. Зелёного «Бригада А. Чутных».

...Московский Краснохолмский текстильный комбинат. Ткацкий цех. Родина замечательного патристического движения за отличное качество продукции, начатого помощником мастера Александром Степановичем Чутных.

Художник изобразил зачинателя этого движения. Простые советские люди, стахановцы, которые всегда думают об интересах всего цеха, всей фабрики, всей страны. В этом сказывается их государственный подход к делу, их новое, коммунистическое отношение к труду.

Обеденный перерыв подходит к концу. Тихиха Анастасия Сергеевна Лапшина уже направляет челнок. К своим товарищам подошёл Александр Степанович. Екатерина Акимовна Честнова поздравляет его только что выпущенную продукцию.

В картине всё точно: и цех и люди. В цехе уже подруились с молодым художником. Работая над дипломной картиной, он сделал в цехе более двадцати эскизов маслом, а карандашных набросков и сосчитать невозможно.

«Горный на репетиции пьесы «На дне» в МХАТе в 1902 году» — так называется картина другого молодого художника — Юрия Фролова.

...Нането, ещё в годы войны, студент Юрий Фролов услышал на молодёжном вечере выступление народного артиста СССР В. И. Качалова. Василий Иванович рассказывал о своих встречах с Горьким. Один из таких рассказов — о встрече на репетиции в МХАТе — особенно запомнился молодому художнику.

...Поздней осенью 1902 года. Труппа недавно переехала из «Землянка» в тёмно то построенный новый театр у Тверской, в Камергерском проезде. Последние репетиции «На дне» в таком уютном месте. Последние доделки перед премьерой. Из Ниинего приехал Алексей Максимович.

В который раз Владимир Иванович Немирович-Данченко всматривается в знакомые строки пьесы Константина Сергеевича Станиславский поднялся, чтобы задать вопрос Алексею Максимовичу о трактовке образа Барона, роль которого исполнил Качалов. Взяв вонючим местом Качалов снул пьесу и запер. А Горький сказал:

— Это гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал. Я думал, что это «никакая роль», что я не сумею, что у меня ничего не вышло...

Эту сцену и изобразил в своей картине молодой художник. Работая над картиной, Юрий прочёл большое количество литературы, несколько месяцев подирал ходил на репетиции в МХАТ, разговаривал с актёрами, рабочими сцены, гримёрами. Над своим дипломом Юрий Фролов работал более года.

Провозник по-мальчишески свистнул, и вагоны привычно закатились из стороны в сторону. Рабочий посёлок Лубяны — сплошь из новых бревенчатых домов в зелёных усадьбах с большим стадионом возле шпалозавода — побежал назад, к домам, зелёным гротом, а в за-загорога надвинулся молодой лесок.

В открытом вагоне было шумно и тесно. Пожилые сидели на скамейках, молодые топшались в проходе. Девчата затанцевали весёлому песню. Им подавали джег вишней: один — высокий, круглолицый, с большими чёрными глазами, а другой — пониже, шустрый, с решительным смуглым лицом. Слова песни он выговаривал особенно старательно.

— Эй, Нурулла, — оксакмули ег с задней скамейки, — не поёй спозаранку, не расходуай! Изойдишь песнями — на работу не останеш.

— Ничего, нас на всё хватит. Лесоруб не поведает — тракторист не осрамится. Верно, Георгий? — и он томкнул чернилагого локтем. Нурулла Закиров и Георгий Заводской — трактористы, оба комсомольцы, и оба неуёмные зачинщики всяких новшества. Впрочем, Лубянский леспрохоз, который является одним из самых крупных леспрохозов в Советском Союзе, нао дни в день жалеет новым. Новое по всем — методам труда и в самом обиходе советского труженика. Приезжаем человеку это особенно заметно: в лесу его поражает заводской гул от множества электромашин, трёх-четырёх тракторов и лебёвок в покое или без нужды, — говорит главный инженер леспрохоза тов. Белынский. — Денег они зарабатывают много, по несколько тысяч. Да и вообще леспрохоз у нас боевой, молодежный. А вот, кстати, и секретарь комсомольского комитета.

На пороге стоял худощавый паренёк в синем плаще. — Товарищ Белынский, я к вам с жалобой. Почему до сих пор не выдана премия Нурулле Закирову? На 800 процентов перемолол, а премия нет. В чём дело? Белынский впрямую посмотрел на находившегося в его кабинете начальника мехлесопункта тов. Музафарова.

— Нельзя дать премию, — ответил Музафаров, коренастый человек в военной гимнастике. — Другие трактористы возят тот лес, который им положено возить, а этот некорректно воронит ег из чужой делницы прихватить. Тот и получается авантюрист! — Что значит авантюрист? — обиделся за Нурулла секретарь комитета. — Просто он возит хлысты! А что естаке. Тут секрет, вероятно, в неправильной расстановке рабочей силы. Обеспечьте его лесом, и всё будет в порядке. У Нуруллы на делнице лесорубы пожелали, они не успевают приготовить ему хлысты. А в соседних делницах лес валат комсомольцы, они и своих трактористов обеспечивают, и Нурулла естакме. Разве это возит премия?

— Знаете что, — поднялся из-за стола Белынский, — я сейчас еду на участок, поезде там со мной. На месте разберёмся.

По дороге на участок, когда порожние вагонички бойко неслись по узкоколейке мимо вырубок и молодых, очень ещё молодых сосёнок, секретарь комсомольского комитета разговаривал:

— Лубяны — это в скором времени будет город молодости. Вы посмотрите, сколько здесь работает недавних ремесленников, сколько пришло из школы ФЗО, сколько молодежи из ближних колхозов! А задите в Лесхоз техникум! Пятсот ребят, и они...

— Заготовленный для вывоза лес.

Комсомольцы-лесорубы Масгут Сафин (справа) со своим помощником Николаем Сабитовым за пилной лесом.

ТАМ, ГДЕ ПОЮТ ПИЛЫ

Лариса ФЁДОРОВА

— Ну, они-то года через три разведутся, — заметил Музафаров.

— Куда разведутся? — встрепенулся Головин. — А что будет засеять эти вырубку, кто будет растить это поколение? — и он показал на юные сосенки, раскинувшиеся сплошным зелёным массивом на многие километры. — Мы вот, леспрохозовцы, знаем только рубить лес, а они его холят, выращивают...

Станислав Головин, недавно приехавший сюда из-под Майкопа, где е лесам знает только понаслышке, на минуту замолчал, любясь

ровными, как на параде, рядами сосен, похожими на гигантские вёсмы.

— Этому лесуку четырнадцать лет, — продолжал Головин. — Сейчас его комсомольцы техникума. А нынче они провели в нём осветление. Видите, сколько в этом лесосеке солнца: насколько светит от просеки до просеки.

— Я хот и не поэт, — усмехнулся Белынский, — а слово это мне очень нравится: «Осветление!» — с видимым удовольствием повторил он. — Нет, просто здорово! Кто это придумал такое слово?

— Комсомольцы придумали, — ответил Головин, который готов был принести комсомолу все достоинства, какие только волились на свете. — Повырбулил в сосняке всю осину, всё лишнее, что крыло здесь солнце. Зато уж и лес будет! Из такого хот махты делай. Никакая буря не сломит!

Наконец состав остановился на большой просеке. Лесоразработчики шли здесь полным ходом. Рубка была сплошной, чтобы освободить площадь для нового леса. И посреди большого столбчатого пространства одиноко стояла высокая ель. А лес отодвигался от неё всё дальше и дальше.

Людей почти не было видно. Вся тяжёлая работа выполняли механизмы. Трёхколёсные тракторы, издала лебёжки на больших старинных тельнях муравьёв, волокли за собою огромные лесины. У естакиды их отцепляли приёмышники, и тут же хобот лебёвки, напущая овал из брёвен, плавно забывал с ним керуку, нашедшаяся в порожнюю платформу. На многих брёвнах мелькала ода и та же метка — «Знаю-рво».

— Вот вам, пожалуйста, — сердито заговорил Музафаров, показывая на метку. — Опять получается то же самое. На участке работают пять трактористов, а создаётся впечатление, что, кроме Нуруллы, никого нет. Пока они не возут хлысты до естакиды, он и свои хлысты уволчат и чужие прихватят. А попробуйте вы его убедить, что это неправильно!

Головин горячо возражал. Конечно, можно возить по-разному. Полагается прицепить три лесины, а можно прицепить и шесть, если есть спорная. Полагается затривать на поезде от лесосеки до естакиды пятнадцать минут, а Нурулла со своими помощниками он лес из делницы Георгия Заводского! Почему? Да потому, что Георгий сам ни в чём не уступает своему приятелю, еле-еле успевают обеспечить его рассторные молодые лесорубы Масгут Сафин и Никита Набоковичев.

Ожиливо разговаривая, главный инженер, начальник мехлесопункта и секретарь комитета направилась к «переднему краю», как называют бывшие фронтовики место валки леса. Намстечу с ревом мчался трактор. Огромные лесины, схваченные стальными лапами-чепками, только подпрыгивали, задевая за пеньки и коряги.

— Прилет, Салав! — с ходу помахал Головину из кабинки Нурулла. Стоявшие на крыльях трактора два его молодых помощника также приветственно приподняли фуражки.

— Одну минутку, Нурулла, — задержал тракторист секретарь комитета. — Тут вот за тебя жалуются, что ты прихватываешь лес из чужих делничок...

— Кто жалуетесь? — услышал Нурулла.

— Да лес попомесилуку. Начальник мехлесопункта недоволен, учёники...

Нурулла сердито свёл губы в брови:

— Значит, лучше, чтобы трактор проставнал? Приехал на свою делницу, а сосны ещё на корню. Ну, тогда ложись, Нурулла, под эти сосны, считай, сколько из них шпихел марсо, а что Станиславу и Севастополю строятся надо, — это тебя не касает! Так, что ли выходит, товарищ начальник?

Последний вопрос прямо от-

На участке. Слева направо пилышники-мотористы Соня Нуртудинова, Николай Сабитов, Масгут Сафин, начальник мехлесопункта тов. Музафаров, парторг леспрохоза тов. Нуртудинов, секретарь комсомольского комитета леспрохоза Станислав Головин.

новился уже к началуны мехлесопункта. Вероятно, Нурулла имел с ним переделку не раз, но последний веский аргумент нарочно прибегнет на крайний случай, чтобы не было куда отступить Музафаров, в прошлом защитнику Сталинграда.

— Кажется, придётся всё-таки дать премию Нурулле Закирову? — вежливо осведомился у него секретарь комитета.

Услышав про премию, Нурулла равнодушно пожал плечами:

— Вопросы все? Можно ехать?

— Можешь ехать, Нурулла, — с улыбкой сказал ему Великий. — Только в следующий раз говори учётчиком, откуда и сколько взял леса. Во всем нужен порядок. А на днях мы соберём остальных трактористов, и ты поделишься с ними своим скоростным методом.

Нурулла понимающе кивнул и нажал педаль. Мотор завелся, и трактор стал карабкаться через завал — ближе к дороге к эстакаде. Проводив его глазами, Великий обернулся к Музафарову:

— Как же это вы прогладели такой замечательный почин? Закирова не ругать надо, а наоборот, расширить для него участок. Дайте ему не двух, а, скажем, четырёх лесорубов. И пусть другие трактористы на него равняются.

Из лесочка, тяжело переполная черт пеньки, показался трактор Анатолия Шербакова. Двое его помощников шли рядом, на ходу подчищая хлысты топором.

— Это тоже стахановец, — сказал Головин, которому без конца хотелось рассказывать о лучших своих комсомольцах. — Только стиль работы у них другой. И, вы знаете, удивительно они все трою подобрались по характеру. У них каждое движение рассчитано. Вот спросите-ка, сколько они сегодня вывели хлыстов.

— Тридцать восемь вывели, — подкачала учётчица, присаживаясь на пенёк, чтобы внести в тетрадь последние показатели. — А норма вывоза — девятнадцать. Вот послушаем сегодня, куда они свой заработок девают.

Головин проводил трактор газамми. — Анатолий — помощник, родственник, — сказал он, — Красная — сестричка. Она у него на врача учится. Многие ребята кладут на книжку. Да мало ли расходов у молодого человека! Посмотрите, все ребята хорошо одеты, у каждого в доме библиотека, радиоприёмник. А некоторые обзавелись собственным транспортом.

И действительно: не успел пропеть вечерний гудок, как по всем тропинкам, ведущим на главную просёлочную дорогу, затрещали мотоциклы. Пятнадцать километров до Лубин ребята преодолевают за десять минут, тогда как по посёлке надо ехать час с лишним.

Участок опустел. Только воле ветка, где работает Соня Наругудинова, высокая девушка в красной юбке, собралась любящие студенты-лекционеры. Между ними и комсомольцами прелестно жила крепкая дружба. Сегодня они решили провести ретинг-поезд прямо на воздухе, тем более что вечер выдался на редкость тёплым.

— Ну, Соня, ты свою роль выучила? Пьесу назначено показывать через три дня. Об этом по всему посёлку развешены плакаты, а между тем героиня пьесы мимас с опаской поглядывая на подведённого к ребятам Нурулла.

— Да уж, может быть, мне отказаться? Пусть Васига играет. А то завтра Нурулла зазаял здесь выступление и просит меня петь и плясать. Надо подготовиться. А роль учить некогда.

Ребята вполголоса смотрят на Нурулла, но тут невозмутим. Чего же здесь труного? Ведь он, Нурулла, тоже будет и петь и плясать, а после завтра как ни в чём не бывало сыграет жениха Соны, на что едва ли кто другой согласится.

Все весело смеются, а хорошенькая Соня задыхается красной смущен.

После ретинга комсомольцы шумной компанией возвращаются в Лубин. С ними же идут рабочие, занятые на строительстве заколеиной, которая всё глубже уходит в леса.

Лубинь,
Татарская АССР.

Геворк ЭМИН

БАЛЛАДА О ПРАВДИВОМ СЛОВЕ

К 32-й годовщине расстрела 26 бакинских комиссаров английскими интервентами

Стоит навязанку Тиг-Джонс,
Британский офицер,
Склоняет голову Тиг-Джонс:
— Чего зовидит сэр!

И сэр английский, старый лев,
войска ему даёт
и отпускает, повелел
немедля плыть в поход:
— Немедля Правду отыскать!
Настичь её в пути!

Зажать ей рот,
сжечь,
растоптать

и пепел разнести!
— Оля райт, —
у Джонса бравый вид,
рука у козырька.

— Оля райт! — и в Индии горит
лагуна бедняка!

— Оля райт! — и первый бьёт снаряд
бакинский рейд зажжён.

— Оля райт! — завачен Ашхабад
и курс на Алшерон!

На Алшерон, где вышки в ряд!
На Алшерон — туда,
где нефть дешёвела, говорят,
чем в Каспии вода!

— Оля райт! Оля райт! Пришла пора!
Тиг-Джонс успехам рад,
...В тот день проверил он с утра
наёмных строй солдат,

По Ашхабаду прошагал
и стюком повертел,
жару и скуку поругал,
за чаем попотел,

прогнал просителей своих,
сошёл с террасы вниз,
повесить приказал двоих
и принести кумьсь...

И вядру к нему доносит весть
морщины тайный гуд,
что безоружных Двадцать шесть
в Туременю живёт.

Они отуде, из Баку,
где Правды клич загуд,
где кровь стекает по штыку...
Но что с тобой, Джонс-Тиг!

Ты бледен, градом пот с лица!
Ты вспомнил, Джонс-гроза,
что сразу многие без конца
обманывать нельзя!

Не может Правда не придти,
коль ждёт её народ!...
— У тебя Двадцать шести,
она в сердцах живёт!

Она как искорка огня
от пороха вблизи;
она, весь мир воспламеня,
спавлять тебя грозит!

Да! если искру поднесут
и вспыхнет пороз-гнева,
ни штык, ни Черчилль не спаст
тебя, ни старый Леа!

Скорей же! Погасит огонь!...
Заставят их молчать!...
Тюремный катится вагон,
и на дверях — печать!...

Закрты Правда на ключи,
Джонс-Тиг готовит месть,
везёт тайком, везёт в ночи
племённых Двадцать шести.

Везёт подальше от людей
к пустыному плато,
чтоб голос ленинских идей
не услышал Двадцать шест!

И Двадцать шесть идут в лески,
и Двадцать шесть молчат,
в глазах ни страха, ни тоски,
и Джонс отводит взгляд.

Он хочет выкинуть в глубь их дум,
процель мольбу в очах.
Но Двадцать шести идут в самую
и, как один, молчат.

И стizza взмах. И гром. И свет.
И вядру на залл в ответ:
— Для Коммунизма смерти нет!
— Для Правды смерти нет!

У Джонса похмурил взор.
У Джонса шум в ушах.
И Джонс уходит, словно вор,
и ускоряет шаг.

И Джонс бешит, сповсит Джонс-Тиг,
что беспощадно острый штык
их Слово — за спиной!

И где бы ни был он, вослед
грамит, граммит ответ:
— Для Коммунизма смерти нет!
— Для Правды смерти нет!

То Двадцать шесть идут в строю,
и слышен клич кругом.
Он и в Армению гром
вошёл, как майский грою,
и в Ашхабад — на асьм скаку
упряжки боевой... и
и вслед за Кировым — в Баку,
и в Крым, как часовой!

Идут года. И эсмерти нет! —
Матросов говорит.
Идут года. И Правды свет
над Родиной горит!...

...А ты, ты живёшь, палач!
В колонии любой,
где ты проходишь, авдий плач
повсюду за тобой.

Ты жибьш и авошешь ещё,
стреляешь в партизан.
Но мы запомним страшный счёту
убийств, и слёз, и ран!

Как ни старайся, ни мечтай,
но Правда не умрёт!
Она вошла уже в Китай
и в Индию войдёт!...

Свистит над Бирмою свинец,
и Малайя свет зажжён.
Повсюду близок твой конец,
колонизатор Джонс!

Не может Правда не придти,
коль ждёт её народ.
Она придёт.

Она в пути.
Она тебя сметёт!

Перевёл с армянского
М. МАКСИМОВ

ЕДРЯК ХОДЕЦ БЫТВАЕЦЬ...

Прогрессивный индийский писатель Кришнен Чандр опубликовал своеобразное письмо «первому американскому солдату, убитому в Корее», Кеннету Шедрику, «кто писал вас туда? — пишет Чандр. — Кто призвал вас оставить сестер и братьев, мать и любимую девушку в Западной Вирджинии для безумной авантюры за границей?.. Зная ли судья, насколько страшна война?.. Это старый укусивший безумных ценителей политиканов ледяной вас жизни?.. Вы и я — мертвец и живой — должны найти ответ на это вопрос...»

«Письмо Чандра» — ветхозаветное, пламенное обличение: «Америка Фордас, даллесос, дюпонос, рокфеллеров... это они послали вас на смерть в Корею... Это крупные бизнесмены, владельцы золота, угля, железа, хлопка, нефти, людей, картофеля, ядовитых наркотиков, оружия и всех одушевленных и неодушевленных предметов, которые они хотят выгодно продать. Они и вас продали, когда послали в Корею, руководствуясь только коммерческими соображениями. Не говорили ли они вам, что вы должны страдать в коммунистиче-ских в Корее? Вы должны были бы спросить их: «Какие это национальные интересы имеют американцы в Корее? Почему вы не уезжаете эти национальные интересы обратно в Западную Вирджинию, где вы могли бы защитить их с надлежащим патристическим пылом». Вы, радовой Кеннет Шедрик, не задали этого вопроса своим правителям. Это была ваша большая и присорбная ошибка, и вы дорого заплатили за нее...»

«В конце своего большого бичующего письма Чандр говорит: «Нарастающие волны национально-особобидительных движений в Азии медленно, но верно ломают хребты всех мариноточных режимов, вынуждая миллионы встать на путь революции. В центре, началась война в Корею. Вот почему вы мертва, радовой Шедрик...»

Да, Шедрик мертв. Для оставленной им матери, для братьев и сестер и для любимой девушки — это смерть. Но в своем коротком письме Чандр упоминает Патрикиску, Кромброу, Макмурта и Трумина по номерам первым, под тысячами или миллионными. Если ослапленные лживой пропагандой американцы справа воображали, что дело в Корею обойдется коротким сроком на несколько убитых американцев, и если каждый оставшийся в Штатах надеялся, что в этот страшный список не попадет он, его сын, брат, отец, то теперь это обман уже расцвелся: списки убитых, раненых, створших, пропажах все эти американцев. Это так.

Можно исправить многое. Но смерть — это непоправимо. И горе американским отцам, матерям, женам, братьям, сыновьям, если они не поймут того, что, не протестуя против преступлений тружеников, даллесос, макмуртуров, морманов, дюпонос, они участвуют в этих преступлениях! Горе убийцам своих мужей, братьев, сыновей! Горе жене и слез заледителит так же, как оно заливает сейчас героический народ Корею. Трудно себе представить, что все простые американские люди, на которых напали солдатские куртки и котормы дали в руки оружие, похожи на Франка Брауна, рычащего: «Идите показывать корейцам! Идите!» — или на Пола Брауна, получающего косяющим зломом свингероса дегенерата: «Приказ!.. Я не вмешиваюсь в политику. Это не речь людей. Это — какое-то отвратительно мычание человекоподобных. Вась Соединенных Штатах, кроме как от современных американизмов, ищущих наскорокий способ превращения человеческой крови в золото, живёт больше ста миллионов простых людей, в поте лица своего добывающих пищу. Они не могут быть похищены и погублены, кичивающихся, подобно Сандерсу, тем, что у него нет представления о культуре». Говорит же Кимболд из Техаса: «Как одуралели, только и всего». Говорит же лейтенант Мар-

лот: «Американиз! Корейцы никогда не нападали на Америку. Прекратите бомбардировать Корею, немедленно уходите из Кореи! Шедрику надо двадцать лет. Эти двадцать лет он проведет в стране, где шайка бравоснейших гангстеров отвратила его сознание самой страшной человеконенавистнической пропагандой. На протяжении десяти лет, проведенных Шедриком в шолох, из него стремительно сделаны женщины, вражде Франка Брауна. И кое-чего достигли: он не задал главного вопроса, который должен был задать: «Зачем вы послали меня в Корею, во имя чего вы хотите сделать меня убийцей?». И потому, что он не спросил об этом, он не может теперь и ответить на вопрос Чандра.

Среди высказываний американских военнопленных, взятых корейцами, есть одно очень важное, хотя на первый взгляд оно и не привлекает внимания: «В США трудно работать. В армию я пошел с целью заработать денег, чтобы потом уехать, какою-нибудь ремеслом, обзавестись семьей и воспитывать детей. Как почти все другие американские солдаты я думал, что это армия мирного времени».

Групо, конечно, поступая в армию, воображают, что это — безобидное воспитательное заведение, где и к тому же ещё платят жалованье. Армия в руках империалистов — прежде всего средство войны. Это нужно понимать ясно, даже самому наивному и глупому человеку. Но тут характерно другое: в США трудно получить какую-либо иную работу, кроме как стать плутомским мотом. Безработица наряду с пропагандой — вот вербовщик для их армии. Чем страшнее пресс нудит, тем больше хотят солдаты. Это же система. Это одна из тайн, которую американские империалисты стараются скрыть от народа. Но скрыть это не так просто.

Подчас лучшими разоблачителями человекоподобности существ населения являются Уолл-стрит, аплотис их собственными извержениями и провалами. Иногда, вопреки своей рабской природе, оказываются полезными правде подлые, подвизающиеся в желтых из желтых изданий продажной американской прессы.

Такой случай произошел недавно с одним из сотрудников преловотого журнала «Лайф» — рупора самой марзовой антидемократической, самой империалистической антисоветской России. Некий канцлер Дюн Осборн сам того не желая, оказал своим хозам во всей их отвратительной наготы. Правда, он не сообщил ничего принципиально нового тем, кто не страдает близорукостью. Он просто собственными устами выставил факты, подтверждающие давно открытую звериную природу вдохновителей беспримирных злодеяний, совершаемых в Корею американскими войсками.

Я хочу, чтобы вы послушали Осборна. Он пишет: «Однажды командир американского полка приказал своим подчинённым помахать несколькими сотням бензеев перейти американские линии. Предлог был прост: бензеецы могут прикрыть наступление корейской Народной армии. Офицер штаба спросил командира полка:

— Как поступить, если бензеецы откажутся возвратиться?

— Стреляйте по ним... — ответил командир.» У Осборна есть такое описание: «Вечер. От одного из наших передовых постов, находящегося в долине в горах, в районе, куда постоянно проникает противник, пришло сообщение, что нашим стрелкам пришлось стрелять по другой приближающейся к нам группе бензеев, несмотря на то, что бензеецы кричали и делали знак».

Осборн признается, что применение этих зверств является результатом того, что американцам ничего сказать корейцам такого, что могло бы ослабить их сопротивление.

Осборн пишет: «Помимо всего прочего, наши лидеры должны думать исключительно про свой факт: война против коммунистов Азии не может быть выиграна одним из наших средств... Пусть всё выигрывает в таком образом — значит не только обречь эту политику на окончательный провал, но также заставить наших солдат вести себя исключительно жестоко. Это не исключает жестокость на поле боя, а жестокость в индивидуальном об обращении: уничтожение деревень, где могут скрываться враг; расстрел бензеев, среди которых могут быть северокорейцы... Это примеры зверств, совершаемых в соответствии с получившими указаниями... Южнокорейская полиция и южнокорейская морская пехота (читай: американская морская пехота. — Н. Ш.), которые ими приходилось наблюдать в прифронтных районах, проявляют исключительную жестокость. Они убивают, чтобы избежать себя от беспоспеша сопровождать пленны; они убивают гражданское население только для того, чтобы упростить его с пути, чтобы избежать необходимости объяснений и допросов... Провода драны, они прибегают к методам настолько жестоким, что описать их невозможно. Очень часто они убивают военнопленных и гражданских лиц, прежде чем последние смогут продовольствия, средства гигиены».

Таков страшный закон эти двуногие, приплывших из джунглей Америки. В жестоких бомбардировках себя своя звериная логика гангстера: уничтожить фабрику детских обуви — пусть корейский солдат знает, что его ребятах останутся и знаешь ботинками; разгромить родильный дом — пусть корейки рождают на улице; уничтожить все жилища, все запасы продовольствия; разрушить водопровод и водопроводы; разбить электростанции — вернуть электричество, средства для восстановления пещерного человека! А ось тогда корейского солдата, сражающегося на фронте, потянет в тыл, чтобы как-нибудь помочь своей несчастной семье! А ось у бойца артемет, разбуженной и новой жонки сплывающаяся в заветчики, а ось задушается у прицела артиллерист, лётчик за штурвалом... Репрессали, репрессали! Такова «логика» бензеев.

Ашедших до последней степени безумия! Но не дрогнет штык бойца, не изменит придела наводчик, лётчик не свернёт с боевого курса! У синов народа, сражающегося за свою свободу и независимость, у детей многогражданской Кореи — многоголовой «страши-завторщины, разбуженной и новой жонки сплывающаяся революция» — другая логика. Им омерзительна бессмысленная жестокость убийц и порабощителей, они никогда не станут совершать убийств ради убийств, мнить жестокости ради жестокости. Но они и не побегут там, где намерены победить, если бы разразилась и отступление от джима американские «ларина». Дети корейского народа стоят до конца не только потому, что они защищают свои дома, своих жен и детей... Столь бы священный и чистый закон, который не знает пера, взорвотакх бойцов стоит идеала ещё более высокие. Они помнят историю рождения Советской России, Подчас голодные и холодные бесчисленные миллионы солдат, солдаты России беззаветно защищая свободу, отстояли свою независимость и отстояли её от порабощения четырнадцатой держав. Это ли не пример для сынов свободолубивой Кореи!

Почти двадцать лет поощряемые американскими империалистами японские японские милитаристы пытались сломить сопротивление китайского народа; двадцать лет презренный шовка Чан Кай-ши предавал, изменял и не существовала в жестокости; помогая японцам в их злодеяниях, завладев Кайши, Чан Кай-ши помогал японцам в их злодеяниях; Народ вышвырнул предателя в помойку истории. Это ли не пример для Кореи!

Нужно ещё вспомнить, что на десять солдат

героических Восьмой и новой Четвёртой армий Китая была всего одна винтовка; надо представить себе страшную изоляцию, в которой дралась за свою свободу народы бывшей Российской империи, и сопоставить с этим то, что происходит в мире теперь: всё передовое человечество властно требует: «Руки прочь от Кореи! Превратить преступную агрессию Советских Штатов в Корею! Свободу корейскому народу!»

Смотрите: Антифашистский комитет советской молодёжи пишет Совету Безопасности Организации Объединённых Наций: «Никакая лояль и клевета не смогут скрыть от народов правды о событиях в Кореи... Выражае волю миллионов юношей и девушек Советского Союза, обращаемся к Совету Безопасности с требованием принять немедленные и действенные меры к прекращению войны в Кореи и выводу из Кореи иностранных войск!» Женщины-демократки всего мира взывают к Совету Безопасности: «От имени 80 миллионов женщин 59 стран... решительно осуждаем агрессию США в Кореи... Пусть корейский народ сам решат свою судьбу!»

Учёные Венгрии, советские авиационники, адвокаты Праги, китайцы, поляки, румыны, чехи, болгары — все, все завывая возмущённо и решительно: «Руки прочь от Кореи! Этот клич становится боевым лозунгом всего прогрессивного человечества.»

Кто же молчит, кроме самих бизнесменов? Кого не трогают стоны умирающих корейцев, кто с бессердечием палача взирает на гибель детей и женщин, на разрушение вековых ценностей большой корейской культуры, на уничтожение ценнейшей созданной народами труда миллионов человеческих рук? Громоподобное молчание сохраняет верный союзник американского хищнического капитала, такой же вампир, как и он сам, такой же стяжатель и империалист, вдохновитель борьбы с демократией и прогрессом — Ватикан. С высоты престола святого Петра Пий XII благословляет преступное оружие американских разбойников. Обрызганный кровью, озарённый заревом пожара, он с возмездием взирает на заживший американцами костёр войны на Востоке: не разгорится ли он в пламя мирового побоища, не удастся ли втиснуть в эту бойню все народы мира!

Он не поднимает голоса против сжигания городов и деревень, против убийства ни в чём не повинных людей, потому что знает: убивать горющих Кореи — значит застрашивать шатёров Франции и Сауду, Гурра и Уэльса; святейший исподтишка осекает крестом американские бомбы, падающие на текстильщики Пхеньяна, потому что для него это урок ткачам Манчестера, текстильщикам Лисона и Генуи, Райской симфонией звучат для палы адские взрывы в Кореи, бомбардировки и стоны жертв. «Ad maiorem Dei gloriam!» — «Во славу божию!»

Но сколько бы снарядов ни извергали американские пушки на головы корейцев, сколько бы авиации ни изрыгала уста святого в адрес тех, кто борется с идеей агрессии, ни не сломить воли народов. Свыше 350 миллионов человек уже поставили свою подпись под Стогольмским воззванием. Эти люди требуют мира. Мира требуют народы Европы, Азии, Америки, Африки, Австралии.

Мир во всём мире — это значит мир и в Кореи. У народов бывает короткая память на зло. Судя по истории, народы часто забывали причинённое им зло. У народов большое сердце. Они часто прощали американцев своих страданий. Но всякому долготерпению приходит конец.

Кришан Чандр, вы написали очень благодарное и важное письмо. Я думаю, что в списке убитых в Кореи американских солдат у радогого Шадрике найдётся много товарищей, которые сказали бы вам спасибо, если бы могли его прочесть. На заданный им вопрос: «Хотите ли вы умереть ради того, чтобы ваша кровь превратилась в золото Форда или Рошфеллера?» — они ответили бы гневным «Нет!» Нужно, чтобы немые американцы услышали этот вопрос и задумались над ним, хотя бы в этот момент, когда к ним явятся мистеры Эйзенхауэр и Клей и, позвонив в свой бронзовый колокол, предложат подписаться под зловещим святом сторонников войны...

Митинг женщин в защиту мира в Сеуле.

Рабочая д...

В перерыве между боями.

Бойцы Народной армии проводят беседу с населением в освобождённом районе.

Первый концерт.

Процессия в честь выборов народного комитета.

Проводы на фронт.

С бойцами в освободившийся город прибыли артисты.

Свои кошмарные злодеяния в Корею американские захватчики незаконно пытаются приписать флажком Объединенных Наций. Посмотрите на эти фотографии. Они свидетельствуют о кровавых преступлениях американских империалистов.

Вонсан. Трагическая судьба этого города известна всему миру. Только за месяц на него было совершено 12 налетов. 128 самарийцевское население 712 бомб весом от 50 килограммов до тонны. В городе разрушено много жилых домов, школ, больницы. Под бомбами погибли тысячи мирных граждан, женщины, дети...

А вот страшная сцена расстрела группы южнокорейских патриотов. Они зарезали убитых по указке американских агрессоров, которые хотят силой оружия навязать корейскому народу «американский образ жизни».

Ночь сражений
ООН

МОЛОДЫЕ ТАЛАНТЫ

Рисунок французского художника Риваля «Международный слёт молодёжи в Ницце», помещённый в иллюстрированной газете «Авангард» (Франция). На фронтонах и знамёнах, которые несут юноши и девушки, начертано по-французски и по-итальянски: «Мир», «На оккупированных землях — строжайшее запрещение автомата».

КЛЯТВА СЕРЦА И РАЗУМА

Нет, никогда ещё не видела старая нарядная Ницца такого яркого, страстного и волевого зрелища, как в то памятное августовское воскресенье! В центре города, где сливаются площади, носившая имя одного из легендарных героев борьбы с фашистами, Манса Борелли, и Фумалу, названный священным именем Сталинграда, собралась тысяча юношей и девушек. Как огромный сад, засаженный, расцвеченный яркими красками городской площади, наполнился звонким голосами юности, завыли — как синеве юному ибу задорные песни на разных языках. Но вот стал услаиваться, стихать людское море. Руны все собравшихся сплелись в едином, крепком купола — это был символ единства мысли и чувства, и в наступившей тишине раздались взволнованный, идущий от души голос:

— Мы торжественно клянемся обратиться к сердцу и разуму каждого юноши и каждой девушки наших стран, чтобы они укрепили свои силы и не дрогнули ни перед какими невзгодами ради спасения высшего блага — мира!

— Клянёмся! — в могучем гортанном отозвались тысячи человек. — Клянёмся! Клянёмся!

И слова клятвы разнеслись по улицам и площадям Ниццы, вырвались на просторы приморья, полетели по всем городам и селениям Франции и Италии, призывая новые и новые отряды юношей и девушек в ряды волевого армии молодых борцов за мир. Этих мощных движений завершился слёт молодёжи Франции и Италии, преклонивший в середине августа в Ницце.

Братья мира, правители Франции и Италии, послушные воле своих американских владельцев, сделали всё возможное, чтобы помешать этой демонстрации международной солидарности молодых сторонников мира. На дорогах, по которым следовали в Ниццу делегаты слёта, выступились усмиренные народы монархизма и всеобщие выборыные представители итальянской молодёжи не давали виза на въезд во Францию, префект департамента Приморских Альп наложил veto на манифестацию...

И всё же Большая международная встреча состоялась. На слёт прибыло до десяти тысяч делегатов со всех уголков Франции и Италии. В гости к своим французским и итальянским друзьям приехали молодёжные делегации из Англии, США, Западной Германии, Бельгии, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Алжира, Туниса...

Самыми развлекательными, порой необычными путями и способами приобщались посланцы мира в Ниццу. Ещё за две недели до открытия слёта стали отправляться в путь-дорогу участники грандиозной эстафеты мира. Шли молодые шахтеры Ошеля и дюмеры Массия, студенты Потарины и виноградарки Шамелани, студенты Сорбонны и тосканцы Лиона, крестьяне Ломбардии и металлурги Генуи... Шли пешком и ехали на велосипедах, на грузовиках, повозках. И все вместе одновременно встретились на Лазурном берегу, у памятного вавшнем всех мировых войнам.

Участники съезда делились опытом борьбы за запрещение атомной бомбы. Бурной олимпиадой было встречено присутствие представителей Агрфашистского комитета советской молодёжи о том, что свои подписи под Стокгольмским воззванием поставили более 115 миллионов советских граждан. Молодые борцы за мир демонстрировали сердечные чувства к советскому народу, к великому вождю товарищу Сталину.

Слёт отменял активную работу молодёжи Парижа, Рим, Берлина по сбору подписей под призывом о запрещении атомного оружия. Помогло также было принуждено немалой делегации: в Берлине Воззвание подписало 92 процента молодёжи, 20 молодых француз и итальянцев получили почётные значки.

Международный слёт ещё и ещё раз привозил к миру: молодое поколение, как и все народы земли, жаждет мира. Молодёжь, как и всё человечество, клеймит позором американско-английских ставившихся занять кривою целью страны и материи. Молодые борцы за мир полагались: как бы ни была тяжела борьба, они не отступят, всеми силами будут крепить фронт мира и отстаивать дело мира во всём мире!

Недавно в Москве проходили гастроли Ленинградского Малого оперного театра. Каждый вечер в переполненном до отказа зрительном зале филарлы Большого театра возникала та горячая и завораивающая атмосфера, которую рождает только большой и прочный успех...

Ярко и разнообразно программу оперных и балетных спектаклей показал театр, но всех их родила какая-то особенная свежесть и волеватость исполнения, звонкая юная молодость, которая так волновала и покорила зрителя. Целая плеяда молодых мастеров театра дебютировала перед московским зрителем в ведущих партиях спектаклей.

Выпускница Ленинградского хореографического училища двадцатичетырёхлетняя Валентина Карюкина за четыре года работы в театре прошла путь от отдельных эпизодических ролей до главной партии Беатриче в «Мимом жените».

Приятно было видеть, как в этом балете в бешеном вихре постукивая кастылями, пляшет молодая итальянка огненную тарантеллу. Это Кира Шилова — характерная тапачница. А вот Александр Мирский, яркий комедийный актёр. Он хорошо запомнился зрителям исполнением партии Золотого петушка в балетном опере «Чудесная фата», фуюника в «Шехерезаде». Двадцатитрёхлетний артист Николай Морозов стал одним из ведущих актёров театра, сыграв также образы как Иван в «Чудесной фате», Фарис в «Шехерезаде», Флоридо в «Мимом жените».

Театр вырастил не только талантливых артистов, но и не менее способных режиссёров и постановщиков.

Молодой режиссёр А. Киреев, ассистент по спектаклю «Молодая гвардия», за пять лет осуществил постановку спектаклей «Снегурочка», «Пляши», «Черевички», «Манюс Лесок». Молодой дирижёр Г. Рафалович ведёт оперы «Воевода», «Риголетто», «Лявкс».

Молодые зрители особенно благодарны театру за постановку новой оперы композитора Ю. Мефуса «Молодая гвардия». Этот спектакль можно назвать молодёжным: не только по теме, но и по составу исполнителей: образы юных героев воплощают на сцене пять самых молодых артистов театра — студентов Ленинградской государственной консерватории.

— Кажется, ещё совсем недавно я жил вдали от войны, но вот я, студент третьей курса консерватории, на сцене одного из крупнейших театров страны в роли члена «Молодой гвардии» Вани Земухова, — волнуясь, говорит Владимир Шавинский. — Годы войны я, как и мой товарищ Володя Журавленко, исполнял роли Олега Кошевого, был на фронте. И, освобождая нашу землю, мы думаем о них, о героях-молодогвардейцах, просто и величественно отдавших жизнь за счастье Родины. Мы были комсомольцами, и нам хотелось с честью оправдать эти высокие званья, быть такими, как краснорядцы. А в тихие минуты после боя на привалах пел я бойцам свои любимые песни, их подхватывал дружный и сильный хор голосов...

Конец войны. Владимир Шавинский пошёл учиться в консерваторию... И вот обиднее его мечта о воплощении на сцене образа молодогвардейца.

В. Шавинский, В. Журавленко, как и другие исполнители роли одного поколения с героизмом «Молодой гвардии». Они прошли трудный путь войны, они знают силу мужества и героизма нашей советской молодёжи, её беспрдельную любовь к Родине. Поэтому так правдивы созданные ими образы.

«День за днём проходит перед нами славная жизнь героев «Молодой гвардии». С каждой минутой растёт волнение зрителей: не спектакль — сама жизнь, бурная и вдохновенная, правится в стенах театра... Идёт допрос Ульяны Громовой (её роль исполняет аспирантка консерватории И. Тимонова). Руки Ульяны в крови, изорвано платье, разметались по лицу пряди тёмных волос... Но, гордо выпрямившись, она бросает в лицо обуревавшему палачу Брокшеру: «Вам нужны жертвы, стрельите...», — и раскрывается перед нами в этой сцене неслыханное богатство душевной чистоты героини. Красной нитью проходит в центре центральной светлой темы — тема любви к Родине.

Проникновенно и искренне воссоздаёт образ Валерии Борц самая молодая исполнительница — студентка Ленинградского консерватории С. Баскова.

Малый оперный театр с гордостью называет себя театром современной оперы и балета и в работе над советскими спектаклями требует от артистов глубокого проникновения в идейную сущность произведения, правильного, реалистического толкования и раскрытия музыкального и сценического образа.

Гармоническим единством музыкальных и драматических выразительных средств издавна славится русская классическая оперно-исполнительская школа. Следуя этой замечательной традиции, обогащённой и совершенствованной в работе над современными спектаклями под руководством опытных мастеров Э. Грикурова, Б. Фенстера, С. Шапошникова, Г. Исаевой и других, выросла в театре способная и одарённая молодёжь.

По мотивам вдохновенного произведения Н. Островского «Как закалялась сталь» создан балет композитора М. Чулаки «Юность». Это смелая попытка воссоздать средствами хореографического искусства эпизоды из жизни юных героев гражданской войны. От эпизода к эпизоду проходит перед нами процесс идейного воужужения подростков, становящихся участниками грозных военных событий, солдатами революции.

В постановке этого спектакля большая роль выпала на долю молодёжи. Большинство исполнителей главных партий балета — молодые артисты.

«Берег реки. Петя с товарищами улит рыбу. Гимназистка с аккуратно залеплёнными комочками приближается к юным рыбакам. Сцена эта построена в традициях классического танца. Сочетание современного реализма,

Сцена из спектакля «Молодая гвардия». Прощание молодогвардейцев перед расстрелом.

Танец из балета «Шехерезада» в исполнении Иры Шиловой.

Фото А. Горшштейна

Сцена из балета «Юность». Партию Лены исполняет артистка Мария Мазун.

ческого жеста с классической техникой балета помогает Леониду Федорушко воссоздать образ недоверчивого, до-мальчишески задорного парня. Артист находит выразительные приёмы, обогащающие пантомиму и танец. Образ гимназистки Лены, друга и помощника Пети, с простотой и обаянием раскрывает артистка Мария Мазун, знакомая нам по ряду удачно сыгранных ролей: танцовщицы Сывильды в балете «Копелля», Клариче в «Минимом жените», Фалетты из одноимённого балета Деллиа.

Молодые артисты театра живут богатой идейной жизнью. Они с глубоким интересом изучают историю ВКП(б) в кружке, которым

руководит молодой режиссёр Нина Самосуд. Мария Мазун и Леонид Федорушко усердно готовятся к занятиям в университете марксизма-ленинизма. Кира Шилова недавно закончила двухгодичный Университет литературы и искусства при Ленинградском Доме искусств.

Театр с радостью несёт своё искусство в народ. Выезды на предприятия и заводы стали традицией. Молодые артисты знакомят рабочих с историей своего театра, проводят доклады и беседы о развитии советского искусства, руководят самодеятельными ансамблями и танцевальными коллективами. В этом общении и крепкой нерушимой дружбе — залог успешной творческой работы.

Подписывающему Воззвание

Малыш, если б азбуку знали,
Вот какие б слова написали:

Чтобы чёрным стал опять горизонт,
Чтобы голод, кровь, пожар и дым,
Чтоб отец опять ушёл на фронт,—
Не хотим!

Чтобы снова вой скреп, батарей,
Чтобы смерть и дым и в пути,
Чтобы слёзы и тоска матерей,—
Не хотим!

Нужен нам зелёный летний сад,
Где в ручьи акacias глядят,
Где сверкают юные листья,
Где растут и ширятся мечты.

Мы хотим учиться и расти,
Чтобы буйно родные цвели,
Чтобы небо голубое над страной,
Чтоб не угрожал нам войной...

Вот какие б слова написали
Малыш, если б азбуку знали.

Друг-земляк, шлю тебе я свой стих,
Подпишись за себя и за ник!

Перевод с польского.

Владимир ФЕДОРОВ

В южной Саксонии

В южной Саксонии пахнет весной,
А западный ветер свистит, как зимой,
Немецкой шахтёр, поседевший в забое,
Стеханову пишет письмо.

Теперь для народа работает шахта,
Стране надо больше металла и света.
И он, как у старшего, русского брата,
Шахтёрского просит совета.

И верит, что скоро, дождавшись ответа,
Он сможет расширить забой свой узкий,—
Не только Саксония, немец полслова
Учится жить и работать по-русски.

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

Подарок

Немцам прислал Сталинград трактора —
подарок

в знак солидарности-дружбы,
Улыбнется взрослому, шумит детсаду,
выпустит радость

из сердца наружу.
Стоят трактора на платформе,

сверкая гусениц башмаками.

И вот сгружают перьями,
виноку,

густо его разукрасив цветами.

— А ну-ка, приятель, дорогу —
позоволю...

Идёт тракторист, расправляя грудь.
И руку свою поднял

Гротезоволю:
дескать,

в добрый,

счастливым пути!

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН

К 20-летию со дня смерти.

Исполнилось двадцать лет со дня смерти великого русского художника-реалиста Ильи Ефимовича Репина. В его творчестве найдены выраженные лучшие черты русского реалистического искусства.

Его картины «Бурлаки на Волге», «Христос в пустыне», «Иван Грозный и сын его Иван», «Запорожцы», «Не ждали» и сотни других вошли в золотой фонд русской живописи.

Воспоминания «Мои восторги» Илья Ефимович написал о самых интересных минутах своей жизни. Приводимый ниже отрывок относится ко времени пребывания Репина в Академии художеств, когда он готовил свою программную работу «Воскрешение мертвых» за которую получил в 1872 году большую золотую медаль.

МОИ ВОСТОРГИ

«Есть особое, поглощающее очарование в трагизме. Я испытал это, когда писал академическую программу «Воскрешение дочери Иавра». Более месяца сначала я компоновал картину; представлял фигуры, изменял их движения и, главным образом, искал красивых линий патна и классических форм в массах. Во то же время под влиянием разговоров с Краскиным, я всё более устанавливался в отрывании и классического направления, и академической школы живописи, и академической русской реалистической живописи в искусстве. Наконец дошло до того, что я решил совсем бросить Академию художеств, выйти из Академии на свой страх и жизнь и начать по-новому.

По дороге от Краскиного к себе (очень много хороших новых мыслей мне приходило по дороге и особенно в дороге, в большой дороге) я вдруг осенился мыслю: да нельзя ли эту же тему — «Воскрешение дочери Иавра» — на это же большое холсте сейчас же, т. е. завтра, и начать по-новому, по-живому, как мерещится у меня в воображении эта сцена. Припоминою настроение, когда умерла моя сестра Уся, и как это поразило всю семью... И дом, и комнаты — всё как-то потемнело, смиклось в горе и дьяволю.

Нельзя ли это как-нибудь выразить; что будет, то будет... Скорей бы утро. И вот я принимаю с утра, Я принялся, без всякой огадки, стирать большую трапкою всю мою академическую работу четырёх месяцев. Угля уже наклонил так густо и толсто на холсте, что я скоро догадался вытирать только светлые места, и это быстро начало увлекать меня в широкие массы света и тени.

Итак, я перед большим холстом, который начинает оттягивать меня своим мрачным тоном. Смелая постановка реальной сцены обнаруживала меня ускоренным темпом, и к вечеру я уже решил фиксировать уголь, так как в руке и даже платок исовой мой были, как у углекопа из «Жерминаля» Зола. Утро. Крас-

ка — простая чёрная кость (Bein schwarz) — особенно отвечала моему настроению, когда по зафиксированному уголю я покрывал его темные места на холсте. К вечеру картина моя уже была так впечатлительна, что у меня самого проходила как-то дрожь по спине.

Первую я показал свою картину — через несколько дней — Зеленскому, очень болезненному конкуренту, уже получившему золотую медаль. Он остановился, слегка присел и опустил руки и долго молчал. Он был так серьёзно поражен, что и я молчал и боялся нарушать его переживание.

Зеленский не был моим конкурентом; он уже готовился уезжать за границу. Он был очень худ и очень бледен, говорил тихо, с большим трудом, но чувствовал злобу. Его программа «Блудный сын» на малую золотую медаль произвела на меня неогладимое впечатление.

— Ах, ведь, это картина!.. — только и сказал он, когда я хотел узнать его мнение.

И я много трагических часов провёл за этим холстом, когда бай-шварц с прибавкою робертсона-медина всё больше и больше устраивал иллюзию глубины и особого настроения, которое шло из картины.

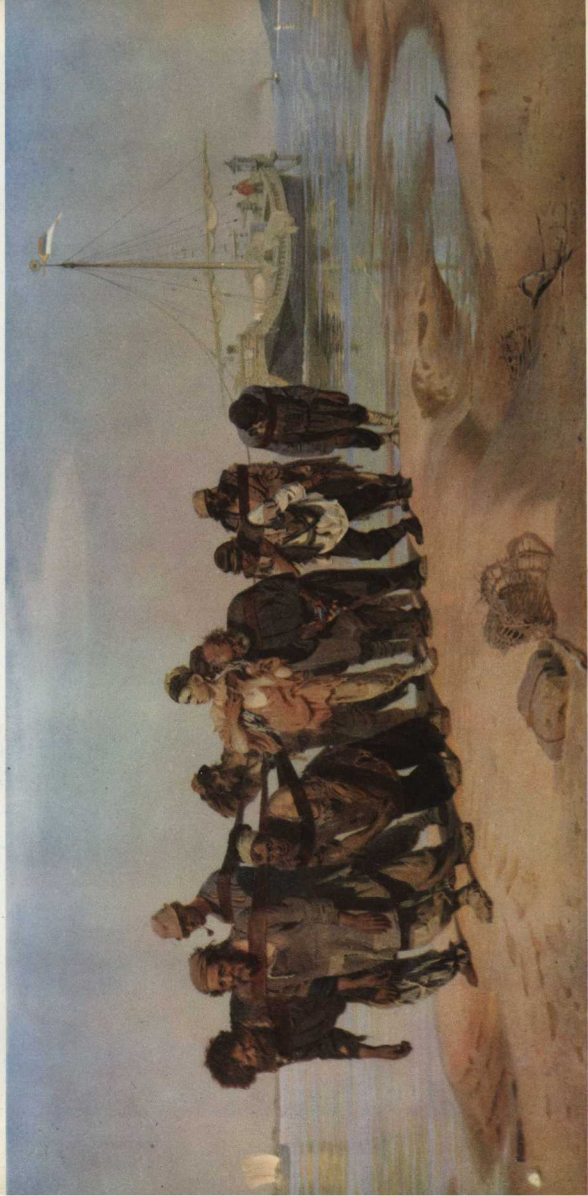
Чуть-чуть я прибавлял некоторых красок и долго боялся начать писать вверху — всеми красками — ло этой живой подготовке. И, должен сказать, это был лучший момент картины. Всякий исполненный до полной реальности предмет в картине уже ослабил общее впечатление, которое было почти музыкально. Очень трудно было не выйти из этого неумолимого тона — глубокого, прозрачного и цельного уже по случаю своего одноударного возникновения.

Брат мой, музыкант, ученик консерватории, тогда жил со мной. И, придя из мастерской, я просил его играть «Quasi una fantasia» Бетховена. Эта музыка опять переносила меня к моему холсту. До бесконечности я наслаждался этими звуками. Ещё, ещё... Он её и начал и играл подолгу; и повторения, особенно прелюдии, меня трогали до слёз... Какое это было счастье...

И. Репин.

«Стрекоза».
(Государственная Третьяковская галерея)

И. Репин.

Бурлаки на Волге.
(Государственный Русский музей)

Главный бухгалтер отобрал у всех деньги и собственноручно стал их делить заново...

Гарри В. НАЙЧ

Рисунки Г. Филипповского

Столы общества

Рассказ

Билл сидел в ресторане за стойкой бара и домая голову над вечной проблемой бытия: как добыть денег?

Вокруг толпились популяристы, пыльные и абсурдно пыльные джентльмены из числа тех, кого газетные хроникеры причисляют к «сливкам общества». Билл по роду своей профессии просто не мог не вытаскивать из кармана сильно нагруженного бизнесмена толстый, как окорок, бумажник...

Через двадцать минут Билл в своей комнате рассматривал содержимое ящика. Наличных долларов в нём не оказалось. Зато имела чековая книжка Национального банка на имя некоего Ф. Джефферсона и заготовленный чек на миллион долларов, подписанный тем же Ф. Джефферсоном. Вид чек настолько Билл на генеральную идею. Билл снес телефонную трубку и набрал номер.

— Халло,— сказал Билл,— это Национальный Банк? Видите ли, я собираюсь делать бизнес с неким Ф. Джефферсоном. Как он, надеюсь в финансовом отношении? Говорят, у него связи с вами? — Мистер Джефферсон,— ответил чиновник банка,— вполне пригоден для операций, не превышающих пяти—шести миллионов...

— Олл райт,— бодро сказал Билл (его оптимизм основывался на предположении, что мистер Джефферсон протретается не раньше завтрашнего утра и следовательно, до утра не хватится своей пропавшей).— Нам нужен для небольшого дела всего один миллион. Чек Джефферсона будет у вас через час—поспори! Билл надаром считался среди своих коллег человеком великодушным: он сам не возмал получить деньги, а позвал из соседней квартиры молодого, но уже популярного вальсачика Патрика-Ирландца и предложил ему бизнес на пах:

— Если ты, Пат, получишь эти доллары, то попликнуна можешь взять себе! Минут десять Билл прождал Патрика в сквере против входа в Национальный банк. Патрик вышел из главного подъезда, и карманы его плаща заметно опухли. Билл подавал машину, и через какие-нибудь четверть часа они уже были дома.

Компьютеры появились в хорошем настроении, и пока Патрик-Ирландец выгуливал на стол пачку денег, Билл философствовал: — Мы, Пат, двигаем вперёд торговлю и промышленность! Посуди сам: если бы мы не трезвили денег, кто бы покупал товары? Фермеры или рабочие, которые продают себя за гроши! Наша свободная профессия — опора страны! Ты и я столпы общества! — Ну, столпы, как это-то приятно Патрик,— давай считать... Едва только компаньоны принялись за делёжку, как дверь распахнулась и вошёл широко одетый джентльмен. — Я главный кассир Национального банка!— представился вошедший. — Я гнался за вами через весь город, и мой шофёр едва не упустил вас из виду на перекрестке 20-й и 45-й улиц! Билл свистнул за пистолет, а Патрик вытаскил нож, но кассир дружески подмигнул им: — Наступ твое, поделим деньги на три части, и не смей устраивать шуму из-за пустяков! Билл и Пат знали, как делается бизнес, поэтому не протестовали. Делёжка произошла быстро, и кассир уже собрался уходить, как дверь отворилась и вошёл высокий, широкоплечий мужчина с бульдозёрной челюстью. — Секунду терпения, джентльмены,— сказал он, пытаясь приятно улыбнуться. — Я начальник охраны Национального банка! Теперь как четверо, и мы будем иметь по четверти миллиона каждый! Простите, мне некогда, надо ехать на другой дел,— по другому делу... и я бы хотел посмотреть получить свою долю... Самы понимаете, если бы у вас был поддельный чек на 5—6 тысяч, вы бы уже извадились по дороге в тюрьму, но такие большие суммы требуют некоторых синискождений.

Чек не поддельный! — обиделся Билл. — Мы не фальшивомонетчики! — Мистер Джефферсон,— сказал начальник охраны, занимая своё место за столом,— убит вчера вечером на своей вилле! Но так как мы получили это сообщение в тот самый момент, когда вы получали деньги, то мы распустили, что Джефферсону от этого хуже не будет, а нам будет лучше.

«Вот чёрт побери!» — подумал Билл. — Значит, я вытаскил бумажник с фальшивым чеком! Очевидно, и тот джентльмен пропалвал гонорар, полученный за

убийство Джефферсона. А чек он хотел реализовать позже. А ведь такой, казалось бы, симпатичный тип. Как бывает обманчива внешность!

Делёжка прошла довольно жёстко, хотя всем было несколько грустно (ведь 250 тысяч жуче, чем 333). Все четверо тем анимально считали деньги, что не замечали, как кто-то пятый вошёл в комнату. — А я боялся, что не застану вас,— бодро провозгласил вошедший. — Я главный бухгалтер Национального банка О, да тут уже Джекс (живо в сторону кассира) и Сэм (полуопуляк на сторону начальника охраны)! Ничего не поделаешь, друзья, раз я успел, мон десять тысяч долларов быть у меня!

Главный бухгалтер отобрал у всех деньги и собственноручно стал делить их заново.

— Я сбил двух пешеходов, пока не вылез из твоей машины, Сэм! — провозгласил бухгалтер, космоя поглядывая на начальника охраны. — Но пострадавшие, я думаю, не состояли вкладчиками Национального банка, так что совет мой спокойный. Ха-ха! Я не хотел заставлять вас ждать, джентльмены.

— Большое спасибо за заботу о нашем времени,— сказал Билл. — У вас, видно, хороший шофёр. Вообще, насколько я теперь знаком со служащими Национального банка, я вижу, что там, подобравшись, омаровательные люди: честные, образцовые во всех отношениях, преданные своему служебному долгу и государственным интересам.

— Как их называют, таких людей? — вспомнил Патрик. — Столы, столпы, столпы общества! — Да, — подтвердил главный кассир. — Что касается служебного долга, у нас дело обстоит лучше, чем в других учреждениях. Любой департамент может нам позавидовать. Наши служащие — образец государственной службы. Ведь хорошие чиновники должны рассматривать интересы государства, как свои собственные, верно, джентльмены!

Кассир пригладился к билету и вернул его обратно.

Билл дал другой билет, — Фальшивый! — повторил кассир. Когда фальшивыми оказались и четвёртый, и пятый, и восьмой билеты, Билл понял, что дело может кончиться плохо, и выбежал на улицу...

— Билл и Пат сидели в ресторане за стойкой бара и домая голову над вечной проблемой бытия: как добыть денег?

— Кто бы мог подумать,— борготал Билл,— что главный бухгалтер Национального банка так ловко умевает заставить настоящие билеты фальшивыми! И четыре опытных жулика сидели тут же и ничего не видели! Хотя, наверное, кассир с охранником заметили, да промолчали: ведь им надо ещё давать отпущенного инспектору, контролёру, ревизорам. Вот что значит хорошо организованный бизнес! Еле уж нам с тобой тгаться с государственным служащими! Верно, Пат!

Соправильный перевод с английского Т. ПРИВАЛОВОЙ

Кассир пригладился к билету и вернул его обратно...

РИДАТЬ ДЕВЯТЬ МЕДАЛЕЙ

Беседа с государственным тренером СССР по лёгкой атлетике мастером спорта Л. ХОМЕНКОВЫМ

Фото М. Боташёва и Н. Волкова

В столице Бельгии Брюсселе в конце августа проводился соревнование по первенству Европы по лёгкой атлетике. В этом состязании участвовали спортсмены двадцати одной страны, в том числе СССР, Чехословакия, Польша, Дания, Финляндия, Англия, Швеция, Франция, Голландия, Испания, Италия. Редакция «Смена» обратилась к государственному тренеру СССР по лёгкой атлетике Леониду Хоменкову с просьбой поделиться впечатлениями об этом соревновании с читателями нашего журнала. Ниже публикуем его рассказ.

Над Брюссельским стадионом «Эйзель» в присутствии 70 тысяч зрителей поднят флаг Советского Союза. Торжественно звучит Государственный гимн СССР.

Так по установленному ритуалу была отмечена победа советских спортсменов в эстафетном беге 4 × 100 метров. Эта эстафета была последней в обширной пятидневной программе соревнований на первенство Европы по лёгкой атлетике.

Эстафета прошла в захватывающей борьбе между командами шести стран: СССР, Франция, Швеция, Англия, Италия и Финляндия. Здесь успех решил быстрота, умелая передача эстафеты, согласованность действий. На первом этапе в советской команде бежал москвич Владимир Сухарев. Он одновременно с другим легкоатлетом пердал эстафету своему партнёру — ленинградцу Льву Калаеву. На третьем этапе бежал тбилисец Леван Санадзе. Он передал эстафету москвичу Николаю Каранулову, когда тот был на метре позади французского бегуна. Однако Каранулов сумел опередить всех.

Команда СССР одержала замечательную победу с результатом 41,5 секунды. Команда Франции отстала на 0,5 секунды; команды Швеция, Англия и Италия показали одинаковое время — 41,8 секунды. Мы привели эти цифры для того, чтобы показать, какой напряжённой и трудной была борьба. По положению, чемпион Европы награждается золотой медалью, занявшие вторые и третьи места вручаются серебряные медали, четвёртые, пятые и шестые места отмечаются бронзовыми медалями.

Советские легкоатлеты получили 9 золотых, 15 серебряных и 15 бронзовых. Такого количества медалей не смогли завоевать спортсмены ни одной другой страны.

Первым чемпионом Европы 1950 года стал двадцатипятилетний москвич Леонид Щербанов. Он выступал в одном из сложных видов лёгкой атлетики — тройном прыжке. Спортсмен должен сделать прыжок, не останавливаясь, три прыжка в длину. При этом во время первого толчка на ногу приходится огромная нагрузка — около 700 килограммов. Только исключительная кратковременность этого движения (0,11 — 0,12 секунды) позволяет выдержать такое напряжение. Минувшим летом Леонид Щербанов установил новый, выходящий за всеобщий рекорд, прыгуна на

Леонид Щербанов делает рекордный прыжок.

15 метров 70 сантиметров. Это был лучший результат в мире. В Брюсселе Щербанов сделал прыжок на 15 метров 39 сантиметров. Следует заметить, что никому из спортсменов других стран не удалось прыгнуть дальше пятнадцати метров.

Москвич Щербанов спортом начал заниматься в рядах Советской Армии. Он проявил неплохие способности в беге и вскоре стал лучшим бегуном в своей части.

Летом 1948 года разгваривался «Кубок Москвы» по лёгкой атлетике. Команде «Динамо» нужно было выставить ещё одного легкоатлета в тройном прыжке. И Щербанов подошёл. Старший тренер команды заслуженный мастер спорта И. Сергеев и сказал:

— Попробуйте себя в тройном. Если прыгнете на одиннадцать метров, будет очень хорошо. Всяму коллективу большая поддержка.

Леонид Щербанов прыгнул. Первый же прыжок превзошёл все ожидания: 13 метров 72 сантиметра!

Молодого спортсмена стал тренером заслуженный мастер спорта Николай Озолин. Успехи Леонида были поразительными. В следующем году он уже находился в списке десяти лучших прыгунов мира.

Когда стало известно, что звание чемпиона Европы в прыжках в длину среди мужчин присуждено Валентине Богдановой, многим это удивило.

В широких спортивных кругах Богданову знали мало. Ещё не так давно она выступала по группе девушек.

Она рано пристратилась к спорту и вступила в члены общества «Буревестник». С ней занимается опытный тренер Атаманов. Когда ей исполнилось 19 лет, она начала выступать вместе со взрослыми. Её включили в состав сборной Ленинграда.

Успешнее всего Богданова прыгает в длину. В Брюсселе на стадионе «Эйзель» в дождливую погоду Богданова прыгнула на 5 метров 82 сантиметра — дальше всех.

Другая представительница молодого поколения советских легкоатлетов, ленинградка Наталья Смирницкая, заняла первое место в метании копья. Смирницкая обучалась спортивному мастерству в известной школе заслуженного мастера спорта Витора Алесеева. Золотые медали были вручены также нашим известным метальщицам Нине Дубадзе и Анне Андреевой.

На стадионе «Эйзель» было установлено три всеобщих рекорда: Евгением Семеновым в беге на 200 метров (24,8 секунды), ленинградцем Юрием Литувеном в барьерном беге на 400 метров (52,4 секунды) и командой СССР в эстафетном беге 4 × 400 метров (3 минуты 15,4 секунды).

Из спортсменов других стран мне хотелось бы отметить замечательно чехословацкого бегуна Эмиля Затопека, занявшего первое место в беге на 5 и 10 тысяч метров, и голландцу Фанни Бланверс-Козен. Её вручили три золотые медали за победу в беге на 80 метров с барьером и на 100 и 200 метров.

Валентина Богданова прыгнула дальше всех.

Анна Андреева — блестящий мастер в метании ядра.

Чемпион мира в метании диска Нина Дубадзе.

Победители эстафеты 4 × 100 метров (слева направо): В. Сухарев, Л. Калаев, Л. Санадзе и Н. Каранулов.

Наталья Смирницкая не знает себе равных в метании копья.

Фотомонтаж А. Житомирского

НЕНАВИСТЬ

БЯК ИН ДЮН

Ненависть к ним,
к империалистам,
к империализму Америки,—
ненависть к ним!
Ненависть к ним —
к гиеням,
к червям гиенья!

Мне нужны
убивающие слова,
ненавидящие и проклинающие!
Может, раньше и не было таких слов
у людей!
Мне нужны слова,
как плавки
в эти злобные хари!

Подлецы,
они топчут наши сады, наши цветы.
И — разве
можно задобрить сердца
гинылю мучной,
оставшейся в швах мешков после
продажи!

О подлецы,
между моими двумя детьми
они протынули колючую изгородь
разлучающих рук.
В пасть их,
дигающуюся в жвачке
резины,
в их глаза,
лучшие о джентльменстве,
мой плевок гнева и мести!

Ненависть к ним,
ядное и втрое,
за то, что грязными ртами
оскверняют такие слова,
как
«Мир во всём мире»,
«Свобода Корей»,
«Демократия и свобода»,
превращая их в фальшинки
для приманки людей!

Им
пошло я презренье и ненависть!
Дождётся и им тех дней,
когда набьют им тоже
скажин с Гитлером рожи!

Презренье и ненависть
до тех дней, когда
попнет с треском
их раздутое жадностью брюхо!

До тех дней, когда
ударит по их головам
огненный ливень возмездья!

Я пошлю им ненависти стрелы
и тогда,
когда будут гнить они
у истории в мусорной яме,
в слепоте сточных канав!
Я буду за ними следить, вслед и вслед,
пока не останется от них ни следа —
навсегда!

Перевёл с морфисского
С. КИРСАНОВ

КОРЕЙЦЫ, ВПЕРЕД!

Походная песня бойцов Народной армии Кореи

В темпе марша

В гро. зной, ре. шительный час слу. дай от.
чи. вы приказ. Бей ма. галки ин. тур. венцов. про. да. то. ва. ры. на. нас! Све. жимы
ла. нут. сердца. По. дит. про. славит. бойца. Ро. ди. на. сме. лых. за. вёт.
ко. рей. цы, впе. рёд, впе. рёд! в бой, в бой, ко. рей. ской. народ! всех, всех от.
чи. на. за. вёт. Ро. ди. на, слу. жай. тебе! Мир от. ступ. ют. в. борьбе!

Слова Ли ЧАНА,
перевод В. МАЛКОВА.

Мелодия ПАК ХАН ГЮ,
музыкальная обработка
В. МУРАДЕЛИ.

В грозный, решительный час
Слушай отличны приказ:
Бей магалки интервентов,
Правда, товарищи, за нас!
Гневом пылают сердца,
Подит прославит бойца,
Родина смелых зовёт:
Корейцы! Вперёд, вперёд!

Припев:
В бой, в бой, корейский народ!
Всех, всех отлична зовёт!
Родина, служим тебе!
Мир отстоим в борьбе!
Видишь руины домов,
Пепел родных городов,
Кровь, слёзы и страданье

Женщин, детей, стариков.
Воин, народный герой,
Ярость удара утрой!
Родина и мести зовёт:
Корейцы! Вперёд, вперёд!

Припев.

Клятва святая дана —
Будет свободной страна,
Гром пушек, вой снарядов
Смолинут над ней навсегда.
Жизни своей не щадя,
Твёрдо к победе иди!
Родина к славе зовёт:
Корейцы! Вперёд, вперёд!

Припев.

